

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сто русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский

Альманах в пятьдесят два печатных листа, в огромное in folio[1] или в небольшое in quarto;[2] альманах, роскошно напечатанный, вмещающий в себе четырнадцать статей знаменитейших русских писателей – от Пушкина до Зотова, с их портретами, с десятью картинками, превосходно нарисованными в России и превосходно выгравированными на стали в Лондоне, – альманах-чудо!..

Как он родился, где он родился?

Как? – не знаем; где? – в Париже. Там выдумана была книга «Ста одного»{1} – у нас память хороша, мы не забыли и, по старой привычке пользоваться чужим примером, решились издать книгу равно «Сто русских литераторов».

Зачем только сто? – Зачем не тысяча, не сто тысяч? – Статей негде взять? – Вздор! – таких статей, как «Приезд вице-губернатора» или «Александр Данилович Меншиков»{2}, не оберешься – стоит только кликнуть клич. Авторов нет такого числа? – Пустое! – Рафаил Михайлович Зотов открывает собою бесконечную вереницу самородных гениев...{3} Помилуйте, кому не лестно видеть свой портрет, превосходно выгравированный на стали; видеть свою статью в книге рядом со статьею Пушкина?.. Да для одного этого иной поневоле сделается писателем... Вот другое дело – приятно ли Пушкину быть в подобном обществе?.. Да что на него смотреть – ведь жаловаться не будет!.. Десять томов этого альманаха намерен издать А. Ф. Смирдин: в каждом томе будут статьи десяти авторов, десять портретов и десять картинок. Первый том заключает в себе статьи писателей, поименованных в его заглавии. Первый... но мы устроим свой порядок, по которому первым бесспорно должен быть Пушкин, а не Г. Сенковский с Г. Зотовым...

«Каменный гость», посмертное сочинение Пушкина, драматическая поэма... Герой этой небольшой драмы – Дон Хуан, тот самый, который является героем в либретто знаменитой оперы Моцарта; но у Пушкина общего с этим либретто только имена действующих лиц – Дон Хуана, Донны Анны, Лепорелло, а идея целого создания, его расположение, ход, завязка и развязка, положения персонажей – все это у Пушкина свое, оригинальное{4}. Поэма помещена не более как на тридцати пяти страницах, и, несмотря на то, она есть целое, оконченное произведение творческого гения; художественная форма, вполне обнявшая бесконечную идею, положенную в ее основание; гигантское создание великого мастера, творческая рука которого, на этих бедных тридцати пяти страничках, умела исчерпать великую идею, всю до малейшего оттенка... Просим не принимать наших слов за суждение: нет, они не суждение, они – звуки, восклицания, междометия... Суждение требует спокойствия – не того пошлого рассудочного спокойствия, источник которого есть мелкость и холодность души, недоступной для сильных и глубоких впечатлений, – нет, того спокойствия, которое дается полным удовлетворением изящным произведением, полным восприятием его в себя, полным погружением в таинство его организации... Чтобы оценить вполне великое создание искусства, разоблачить перед читателем тайны его красоты, сделать прозрачною для глаз его форму, чтобы сквозь нее он мог подсмотреть в нем великое таинство присутствия вечного духа жизни, ощутить его благоуханное веяние, – для этого требуется много, слишком много, по крайней мере гораздо больше, нежели сколько можем мы сделать... Торжественно отказываемся от подобного подвига и признаем свое бессилие для его совершения... Но для нас оставалось бы еще неизреченное блаженство передать читателю наше личное, субъективное впечатление, пересказать ему, как потрясались, одна за другою, все струны души нашей; как дух наш то замирал и изнемогал под тяжестью невыносимого восторга, то мощно восставал и овладевал своим восторгом, когда перед ним развирзалось на минуты царство бесконечного... Но мы не можем сделать этого... Мы увидели даль без границ, глубь без дна, – и с трепетом отступили назад... Да, мы еще только изумлены, приятно испуганы и потому не в силах даже себе отдать отчет в собственных ощущениях... Что так поразило нас? – Мы не знаем этого, но только предчувствуем это, – и от этого предчувствия дыхание занимается в груди нашей, и на глазах дрожат слезы трепетного восторга... Пушкин, Пушкин!.. И тебя видели мы... Неужели тебя?.. Великий, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто был ты?..

«Одна глава из неоконченного романа» сильно разманивает любопытство читателя только одним намеком на характер героини... Впрочем, целого она не представляет, а как отрывок – слишком мала и потому только при имени Пушкина может иметь особенную цену{5}.

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari «Дурочка», повесть г. Полевого, напомнила нам прежнего Полевого...{6} Это не художественное создание, но сколько в ней души, чувства, какая прекрасная мысль лежит в ее основании!.. Как жаль, что эта прекрасная, благоухающая ароматом чувства и мысли повесть испорчена растянутостью и, местами, субъективными мыслями автора. Первая же страница начинается давно уже известными и давно уже всем надоевшими разглагольствованиями о тщете гадкого металла, называемого золотом. К чему это? – «всякому, даже и не бывавшему в семинарии»{7} известно, что золото – металл благородный, а деньги, которые из него делаются, – вещь очень хорошая и полезная. Не серебро, а сребролюбие гадко. Потом, к чему это презрение к благам земным, простирающееся до оскорбления при одной мысли об обеде? – На станции героя повести человек спрашивает – не угодно ли ему покушать, а он сердится, говоря, что кто влюблен, тот унизил бы себя даже и легким завтраком, не только обедом. Вся эта идеальность устарела и страх как надоела... Впрочем, может быть, все это у почтенного автора не без особенной цели. Дело вот в чем: герой повести – молодой человек, не без глубокости в душе, но с фальшивыми понятиями о жизни, что-то недоконченное, не сформировавшееся. Он воспитывался вместе с девочкою, и, еще будучи детьми, они поклялись друг другу в «верности до гроба». Любовь этого молодого человека испаряется в пустозвонных фразах, потому что сама любовь его есть не что иное, как пустозвонная фраза, идеальная претензия. Он беден – и ему отказали. После этого он стал богат, и случай познакомил его с прекрасным явлением женственного мира: откровение таинства жизни предстало ему в прекрасном, поэтическом образе женщины. В семействе перчаточника-немца встретил он это существо, родное себе, эту половину души своей. С малолетства прозванная злою мачехою дурочкою, она – душа глубокая и поэтическая, сердце любящее и страстное – на всю жизнь осталась в кругу этих глупых умников с прозвищем дурочки и почти сама верила, что она дурочка. Молодой человек разгадал ее – они полюбили друг друга. Но он был так призрачен, прекраснодушен, так помешан на идеальных фразах, что, любя истинно Дурочку, не переставал вздыхать и пышно разглагольствовать о Полине. Ощувивши в себе истинное чувство, он не поверил ему и принес его в жертву пошлomu фразерству своего детства. Дурочка была оставлена – он женится на Полине, которая сыграла с ним одну из тех комедий, которые так легко играть хитрым и ловким женщинам с идеальными шутами. Скоро увидел он, что, вместо женщины, женился на восковой статуе без души и сердца... Равнодушный и апатический, едет он с женою в дом одной графини – и в гувернантке хозяйки дома узнает – Дурочку. Истинное чувство снова вспыхнуло, но уже поздно... Дурочка скрылась. Из конца повести, растянутого и дурно слаженного, мы узнаём, что она утопилась, и узнаём это очень отчетливо, потому что почтенный автор не хотел ничего оставить на догадку своих читателей, а рассказал им все с болтливою отчетливостью чувствительных романистов прошлого века... Несмотря на то, повесть произвела на нас глубокое впечатление. Основная мысль ее так проста и так верна; многие подробности изложены с увлекательною живописностью; везде проглядывает теплое чувство...

Вторая статья г. Полевого – «О бумагах и заметках, оставшихся по кончине Петра Великого, в его собственном кабинете» – отличается высоким интересом содержания, одушевленностью и мастерством изложения.

Кстати, тут же укажем и на прекрасную статью Дениса Васильевича Давыдова «Тильзит в 1807 году». Это отрывок из военных записок знаменитого воина-литератора. Излишне было бы распространяться о высоком достоинстве ее содержания и изложения.

По части романическо-повествовательной замечателен еще «Серный ключ» г. Александрова (Девицы-кавалериста){8}.

Марлинского помещены две прозаические пьесы: окончание его бесконечного «Муллы-Нура» и «Месть» и одно стихотворение «Сон». Что сказать о них?.. Прекрасно! Превосходно! Например, какая отрада для любителей громких фраз прочесть эти слова Муллы-Нура, служащие приступом к истории его жизни, которую он сам рассказывает автору:

Что на свете есть тайного, кроме нашего сердца? Рассветает ночь, крившая злодейство; дремучий лес находит голос на обвинение; расступается хлябь моря и выдает утопленное хищниками добро. Могилы, самые могилы не скрывают во мраке своем преступлений, и с червями зарождаются в них мстители. Я видел: русские узнавали по внутренностям жертв прошлое, как идолопоклонники предки наши угадывали по ним будущее. А когда можно заставить говорить мертвецов, кто заставит молчать живых?.., тайное скоро становится явным, и базарная молва

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari нередко трубит о том, что было шепотом сказано между двоими. Нет! моя жизнь не тайна мои похождения может рассказать тебе последний мальчик в Кубе. – «Он убил своего дядю и бежал в горы!» – вот вся повесть обо мне, и она не ложь, но полна ли она? но справедливо ли осудит меня по этим словам всякий, кто их услышит? – на это могу отвечать только я. Пусть отрубят мою голову – что же найдет в этой голове судья для объяснения моего преступления? Пусть вырежут сердце – как отгадает в нем врач пружины, которые двинули на убийство?.. А в этом вся важность для меня! Только это зову я на суд совести, – все остальное – дело случая – все остальное пусть как хотят судят в людском диване! Тяжело мне думать об этом, еще тяжелее рассказывать – и между тем оно меня душит!.. Мучительно вырывать зубчатую стрелу из раны, но и оставлять ее нестерпимо... Из сего отрывка ясно значит, что Мулла-Нур, полудикий татарин Кавказских гор, – большой философ и вообще выражается высоким слогом, не хуже героев трагедий Корнеля и Расина...

«Мечь» просто... но о «Мести», как и обо всем прочем, мы лучше совсем умолчим...

«Маруся», повесть князя Шаховского, есть, кажется, первый опыт почтенного драматурга в повествовательном роде и, как все запоздалые опыты, очень неудачный. Эта повесть доказывает ясно, что удача в сценических произведениях скорее отрицает, нежели обуславливает удачу в романе и повести. Автор изображает какую-то малороссийскую Сафо, то есть влюбленную стихотворицу, как будто бы всякая влюбленная стихотворица непременно должна называться Сафо. Старинная манера! Было время, когда Державина называли российским Пиндаром, Горацием и Анакреоном; Хераскова – российским Гомером и т. д. Но это бы еще куда ни шло! Дело в том: почему автор не говорит, что героиня его повести – лицо историческое; а если она выдумана им, то по какому праву он приписал ей прекраснейшие народные песни?.. Но и это бы еще куда ни шло! А жаль того, что рассказ в высшей степени сбивчив, темен и неловок, характеров как не бывало, языка и слога тоже...

«Приезд вице-губернатора», повесть г. Зотова... Но что о ней говорить?.. Nonni soil qui mal u pense!.. [3] {9}

«Превращение голов в книги и книг в головы»{10} – уже сотое и в сотый раз довольно неудачное подражание так называемым философским повестям Вольтера, старая и притом так ужасно растянутая штука или шутка, что вместо смеху производит зевоту.

Кроме этих повестей, в книге «Ста русских литераторов» помещены две драматические пьесы: «Иоанн Антон Лейзевиц», драматическая фантазия в пяти актах, с эпилогом, г. Кукольника, и «Александр Данилович Меньшиков», драматическое представление в трех картинах, г. Свинына. Обе эти пьесы находятся одна к другой в обратном отношении: пьеса г. Кукольника показывает, как много может сделать истинный талант из такого содержания, из какого, по-видимому, ничего нельзя сделать; пьеса г. Свинына показывает, как мало может сделать посредственность и из такого содержания, из какого трудно не сделать чего-нибудь хорошего.

Да, с истинным наслаждением прочли мы «Иоанна Антона Лейзевица». Не скажем, чтобы это было художественное произведение, не скроем, что тут много недостатков, натяжек (как, например, в сценах с ящиками, при купцах и при жене); но смело можем сказать, что все произведение насквозь проникнуто любовью к искусству, поэтической теплотою души, характеры очеркнуты удачно, мастерских сцен много... И какой мир представлен в этом сочинении – мир искусства, мир художников! Тут вы увидите и пламенного, энергического Лессинга, и Эшенбурга, и Иффлянда, и, наконец, Шиллера, с его бледным лицом, задумчивым видом, с его вечным «заступничеством человечества от людей», по прекрасному выражению г. Кукольника... Словом, пьеса его, по своему объему, составляет порядочную книгу, а мы прочли ее, без отдыха, как небольшую статью... Не можем удержаться, чтобы не выписать здесь прекрасного, поэтического посвящения пьесы автором одному из его друзей{11}.

Кто-то сказал (и неправду), будто великое чувство – дружба бывает в единственном только числе. Но, по счастью, Опыт в противном уверил меня. Семьею богатой Добрых друзей окружило меня провиденье – и славу Небу благому сердце поет в благодарном восторге!

Друг в трудах вдохновенья вместе и судья и помощник.
Дружба не страсть, от пристрастий свободна и взором суровым
Святость труда, чистоту помышлений хранит неподкупно.
Пестует каждое слово, чувствует каждое чувство,
Знает основы созданья и тайну задуманной цели.
Сердца избранники, вам открываю заветные думы,
С вами смиренно люблюсь на зерна далеких созданий;
Каждый из вас в твореньях моих имеет любимца.
Дорог мне друг – восприемник – и каждому, добрые друзья,
Я посвящаю любимца на память бесед о любимце.
Весело в жизни много исполнить трудов вдохновенных,
Но веселее – каждый – именем друга украсить.
Что бы вам сказать об «Александре Даниловиче Меньшикове»? Да зачем много
говорить – судите сами – вот маленький отрывочек. Сперва позвольте вас
предуведомить, что Меньшиков, еще будучи разносчиком пирогов или блинов,
влюбился в дочь боярина Арсеньева, – и вот как рассуждает с стрелецким
полковником о своей любви и о любви вообще:

МЕНЬШИКОВ. Я сам не понимаю, как это случилось, я сам долго боялся угадать себя!
Хотя с малолетства я начал таскаться с лотком по улицам и домам и меня зазывали
почасту на женские сени, ласкали за мои песни, присказки, но от природы я был
робок и застенчив, особенно с девушками: я не смел взглянуть на них, не только
пошутить. О троицыне дне будет год, как пошел я помолиться к
Спасу-в-Кречетниках; приложась к святому кресту, я спешил выйти из церкви, чтобы
поспеть с товаром в Девиный монастырь до выхода народа от поздней обедни. На
паперти оделяла убогую братью какая-то боярышня. Пробираясь сквозь толпу нищих,
я толкнул неосторожно одну старуху, она заворчала и стукнула меня крепко клюкою
по голове; я хотел отомстить ей добрым тузом, как ненароком взглянул на боярышню;
взоры наши встретились, и рука моя опустилась...

ПУШКИН (насмешливо). Чудные, право, глаза у Дарьи Михайловны! Ужо нарочно съезжу
к Михаилу Яковлевичу, чтобы взглянуть на них...

МЕНЬШИКОВ. Мало этого! Какой-то огонь пробежал по всему существу моему. С тех
пор, беззаботный, веселый, счастливый – я сделался задумчив, мрачен, беспокоен.
Ощущения, то сладкие, то мучительные, наполняли мое сердце; мечты дальние (!),
думы незнаемые (!!) волновали мою душу; я стал недоволен собою, стал стыдиться
своего невежества, своего состояния. Одним словом, я весь переродился.

ПУШКИН. И кинулся в Преображенское?

МЕНЬШИКОВ. Да, Василий Матвеевич, я думал дорогою чести, труда, просвещения
сделаться скорее достойным руки дочери боярина Михаила Яковлевича.

ПУШКИН. Да за тебя не отдал бы боярин Арсеньев своей дочери, хотя бы ты сделался
вторым по Лефорте. – (Лукаво.) Но уверен ли ты, брат, что Дарья Михайловна
пойдет за тебя?

МЕНЬШИКОВ. Думаю, боярин, что я ей не противен, хотя, правду сказать, никакого
намеку не видал от нея, ни слова не слышал...

ПУШКИН (в сторону). Слава богу! Я боялся, что Даша отвечает его безумной
страсти. (К нему.) Ну, а ежели ты ошибешься в ее к тебе чувствах?[4]{12}

МЕНЬШИКОВ. Без сомнения, ты по себе знаешь, Василий Матвеевич, что в любви слова
последнее дело; язык любви гораздо красноречивее: один взгляд часто говорит
более, чем можно пересказать в целый час словами; одно движение руки, появление,
уход милого человека объясняют целый ряд недоумений, вопросов, желаний...

ПУШКИН. Нет, брат Меньшиков, прошу меня уволить из числа вашей братьи заморских
воздыхателей. Я любил по старинному православному обычаю и женился, не ведая мук
любви.

МЕНЬШИКОВ (с жаром). Жалею о тебе, Василий Матвеевич: не зная мук любви, ты не
испил чары истинного блаженства жизни; не испытав отрав неизвестности,
таинственности, страха, надежд и отчаяния (?!..) – ты не существовал душою в с е
м прекрасном мире...{13}

Каков Меньшиков!.. Еще будучи пирожником или блинником, он уже выражался о любви
истертыми фразами и общими местами из чувствительных романов: как же заговорит
он, будучи генералом, князем, вельможею? – Уж разумеется как – недаром же
говорится пословица: «Каков в колыбельку, таков и в могилку»...

Меньшиков – великое лицо в русской истории. Несмотря на его честолюбие,
завистливость, сребролюбие, Петр Великий любил его, как друга, питал к нему
какое-то особенное, отеческое чувство: значит, в этом человеке было что-то
великое, несмотря на недостатки: расположение и дружба великого человека –
патент на человеческое достоинство. Меньшиков – богатый предмет для драмы, и в
ней надо его представить со всеми его недостатками, но так, чтобы, несмотря на

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari
них, от него веяло ароматом высшей жизни. А что сделал из него г. Свиньин –
стыдно сказать!..

Теперь слова два о картинках. Превосходно сделана картинка к статье г. Сенковского К. П. Брюлловым; но картинки к поэме Пушкина и повести г. Александрова, рисованные А. П. Брюлловым, нам решительно не нравятся: на первой Дон Хуана скорее можно принять за Лепорелло, по причине ничтожного выражения лица, а на второй лицо прекрасной черемиски совсем не прекрасно. На картинке г. Ладюрнер к статье Д. В. Давыдова очень неудачно сделаны лица обоих императоров. Из трех картинок г. Зеленцова к «Мулле-Нуру», к статье г. Зотова и к «Дурочке» г. Полевого нам нравится только последняя, которую можно назвать превосходною. Прекрасно нарисована картинка г. Демидова к пьесе г. Свиньина; еще больше нравится нам картинка г. Дезарно к пьесе г. Кукольника. К лучшему принадлежит и картинка г. Сапожникова к повести князя Шаховского. Выгравированы они все бесподобно. Из портретов – г. Кукольника превосходен; Пушкина очень неудачен; лицу г. Полевого придано слишком идеальное выражение. Портрет Рафаила Михайловича^{14} невольно приводит в умиление душу зрителя...

В заключение скажем, что со стороны издателя долг перед публикою выполнен честно и добросовестно. Вы платите двадцать пять рублей за книгу, в которой одни картинки и портреты, если каждую вещь класть по пяти рублей, что было бы очень недорогой ценой, стоят сто рублей! А четырнадцать статей, которые составляют книгу в пятьдесят два листа и из которых некоторые прекрасны (не говоря уже о «Каменном госте», за которого одного не дорого заплатить 25 рублей), – все это дается как бы в придачу, даром. Дешевизна неслыханная! Честь и слава г. Смирдину! – его умная, благонамеренная деятельность дает жизнь книжной производительности, а следовательно, и литературе.

Примечания

Впервые – «Московский наблюдатель», 1839, ч. II, № 3, отд. IV «литературная хроника», с. 1–13 (ц. р. 1 марта; вып. в свет 10 мая). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. III, с. 56–64.

За два месяца до этого Белинский писал в заметке «Литературные новости»: «Первого тома «Ста русских литераторов», обещанного к 1 января, мы еще не видали, но видели 10 портретов, которые будут приложены к нему. Они все хороши – особенно г. Зотова: по лицу тотчас узнаешь, что писатель знатный. Г-н Полевой изображен слишком идеально а lord Byron: в халате, смотрит туда (dahin). Портреты гг. Марлинского, Сенковского Пушкина, Девицы-Кавалериста и – не помним, кого еще – дополняют знаменитую коллекцию. Говорят, что уже посланы в Лондон для выгравирования портреты А. А. Орлова, гг. Сигова, Кузмичева и проч., вместе с Пушкиным и г. Зотовым они дополняют пантеон великих людей русской литературы» (Белинский, АН СССР, т. III, с. 45).

Эта ироническая информация с упоминанием о портретах бездарных сочинителей (Р. М. Зотова и А. А. Орлова) и лубочных писателей (Сигова и Кузмичева) служит органическим дополнением к рецензии на первый том «Ста русских литераторов».

Сноски

1

размер полулиста (лат.). – Ред.

2

четвертая доля листа (лат.). – Ред.

3

Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает!.. (франц.). – Ред.

4

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari
Последняя фраза по-стрелецки сказана. Стрельцы до Петра Великого именно так
объяснялись, особенно когда дело шло о любви, в которой они были большие
теоретики...

Комментарии

1

Серия «Paris ou le Livre des Cent-et-un» («Париж, или Книга ста одного») выходила в Париже в 1831–1833 гг.; вышло 10 томов; в ней участвовали известные французские авторы.

2

Повести Р. М. Зотова и П. П. Свиньина.

3

Зотову, как автору низкопробных романов, Белинский посвятил несколько иронических рецензий (см., например, в наст. т. рецензию «Шапка юродивого, или Трилиственник...»).

4

«Каменный гость» – одно из тех посмертно напечатанных произведений Пушкина, благодаря которым перед Белинским «Пушкин предстал... в новом свете, как один из мировых исполинов искусства, как Гомер, Шекспир и Гете» (письмо к Н. В. Станкевичу от 19 апреля 1839 г.). В августе 1839 г. Белинский собирался написать специальную статью о «Каменном госте» для альманаха Владиславлева «Утренняя заря» (см. письма к Краевскому и Панаеву от 19 августа 1839 г.).

5

Речь идет об отрывке, начинающемся словами: «Гости съезжались на дачу».

6

То есть Полевого поры издания «Московского телеграфа».

7

Слова из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (гл. IV).

8

Александров и Девица-кавалерист – псевдонимы писательницы Н. А. Дуровой.

9

Получивший широкое распространение девиз высоко почетного английского ордена Подвязки, учрежденного в 1350 г. в честь св. Георгия, покровителя Англии.

10

Произведение О. И. Сенковского.

русских литераторов. Издание книгопродавца А. Смирдина. Том первый... В. Г. Белинский belinskiyvissari
11

Людвигу Андреевичу Гейденрейху.

12

В цитированном тексте: в чувствах ее к тебе (без курсива).

13

Курсив и разрядка в слове «сем» – Белинского.

14 Р. М. Зотова.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiytyodor.ru/> Приятного чтения!